

Алекс Клевицкий

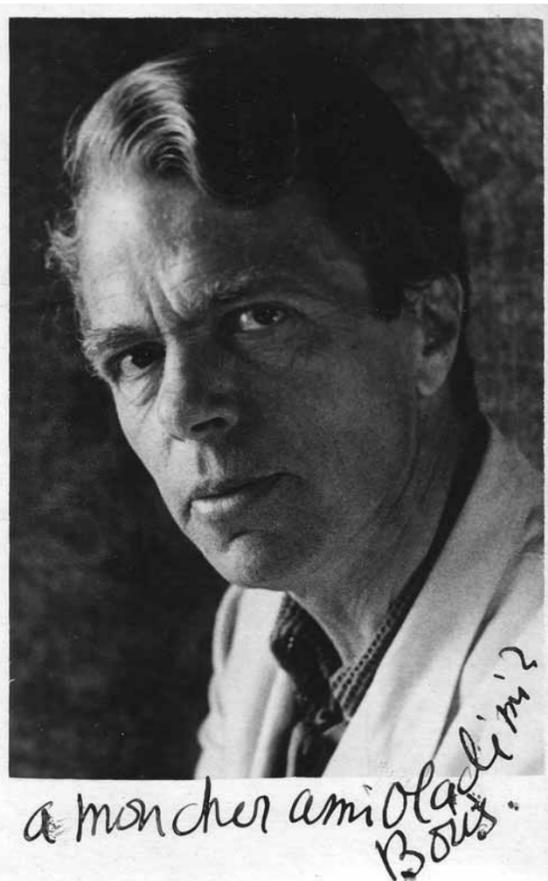
«...Слеза по Яковлеву»

Публикуемое впервые письмо Бориса Григорьева из моего собрания написано спустя лишь две недели после смерти Александра Яковлева. Письмо адресовано Владимиру Башкирову, собирателю и меценату, хорошо знавшему обоих художников. Пронизанное болью о потерянном товарище и большом мастере, оно дополняет и уточняет события, описанные американским коллекционером и искусствоведем Мартином Бирнбаумом в книге «Яковлев и другие художники»: «Несколько дней спустя... то, что осталось от его когда-то великолепного тела, разрушенного злокачественной опухолью, разлагалось под покрывалом алых пионов в Русской церкви, наполненной запахом ладана, песнопением и приглушенным рыданием многих его друзей. Его последнее желание – развеять его пепел над изумрудными водами любимой Капри – не могло быть исполнено...»¹

Борис Григорьев и Александр Яковлев. Две столь несхожие и удивительно переплетенные судьбы. Дружба длиною в жизнь, и годы жизни их почти совпадают.

Борис Григорьев родился на год раньше Александра Яковлева – в 1886 году, а ушел из жизни годом позже – в 1939-ом. Впервые они встретились в Академии художеств, где в 1907 году учились в мастерской Д.Н.Кардовского. «В мастерской Д.Н.Кардовского, заменившего И.Е.Репина, я по окончании Московской школы был одновременно два года с Яковлевым, Шухаевым и Григорьевым. С Борисом Григорьевым я был ближе всех. Меня пленяла в нем острота неудовлетворенности. Мы оба восхищались мастерством работы Яковлева и Шухаева (Саши и Яши, как их прозвал Ал. Бенуа). Я и Григорьев вздыхали о текстуре живописи, о выразительности красок и характере модели, а перед нами стояло гениально виртуозное мастерство непревзойденного Яковлева», – вспоминал Сергей Судейкин².

Григорьев, как и Яковлев, начал свою деятельность, сотрудничая с журналом «Сатирикон». В 1915–1916 годах оба художника, совместно с Сергеем Судейкиным, расписали интерьеры литературно-художественного кабаре «Привал комедиантов». Затем – революция. «Русский» Париж. Общество «Мир искусства». «Самые яркие из наших художников последнего призыва – таланты, обязанные своей зрелостью «Миру искусства», – отмечал Сергей Маковский в своей книге «Силуэты русских художников». – Между ними выделяются Петров-Водкин, Борис Григорьев, Александр Яковлев и Шухаев»³.

Борис Григорьев. 1937. Фотография с автографом Владимиру Башкирову. Публикуется впервые

Boris Grigoriev. 1937. Photograph signed to Vladimir Bashkirov. Published for the first time

Неудивительно, что имена Бориса Григорьева и Александра Яковлева, навечно вписанные в летопись художников русского театра в Париже. Лики, пришедшие на смену образов «Расеи», – «поворот художника от отступающего его безличия к поискам лика – поворот, который позднее побудит его проблему Расея заменить проблемой России»⁴. Лик самого мастера, мятущаяся душа его крепко схвачены в порыве движения Александром Яковлевым. Этот ли портрет висел над лестницей в доме Григорьева? С гордостью и теплотой, как вспоминал Ю.Черкесов⁵, отзывался Григорьев об авторе портрета – Саше Яковлеве.

Исключительная преданность, требовательность к искусству отличали обоих художников. В 1934 году Яковлев был приглашен возглавить живописное отделение школы Музея изящных искусств в Бостоне. По словам Сергея Судейкина, «в Бостоне, где он [Яковлев] был профессором Бостонской академии два года, он произвел подлинную революцию»⁶. Словно о Борисе Григорьеве, возглавившем в 1928 году Академию в Чили: «...он разгромил Академию, уволив нескольких профессоров, поставив заново преподавание... До сих пор о нем говорят там не иначе, как о революционере»⁷.

Высокая оценка творчества Яковлева сочеталась у Григорьева с критически требовательным отношением к искусству: «Говорят, пишут мне из Парижа, Яковлев продал кажется целую сотню вещей с выставкой... Вот кого я уважаю и люблю за подвиг, за работу, за все, хоть кажется мне его искусство немного машиной – у меня сейчас очень строгое к себе отношение – рву все, что мне самому не нравится»⁸. Не нашли у Григорьева одобрения этнографические рисунки и картины Яковлева, сделанные в «Черном» и «Желтом» рейсах⁹, работ, ставшие настоящей сенсацией, принесшие художнику и мировую славу и орден Почетного легиона. «До этнографа я никогда не дойду», – писал Григорьев¹⁰.

Работой Яковлева открывает Григорьев свой знаменитый альбом «Лики

России»¹¹ – галерею образов, по преимуществу портретов, сделанных во время гастролей Московского художественного театра в Париже. Лики, пришедшие на смену образов «Расеи», – «поворот художника от отступающего его безличия к поискам лика – поворот, который позднее побудит его проблему Расея заменить проблемой России»¹². Лик самого мастера, мятущаяся душа его крепко схвачены в порыве движения Александром Яковлевым. Этот ли портрет висел над лестницей в доме Григорьева? С гордостью и теплотой, как вспоминал Ю.Черкесов¹³, отзывался Григорьев об авторе портрета – Саше Яковлеве.

Исключительная преданность, требовательность к искусству отличали обоих художников. В 1934 году Яковлев был приглашен возглавить живописное отделение школы Музея изящных искусств в Бостоне. По словам Сергея Судейкина, «в Бостоне, где он [Яковлев] был профессором Бостонской академии два года, он произвел подлинную революцию»¹⁴. Словно о Борисе Григорьеве, возглавившем в 1928 году Академию в Чили: «...он разгромил Академию, уволив нескольких профессоров, поставив заново преподавание... До сих пор о нем говорят там не иначе, как о революционере»¹⁵.

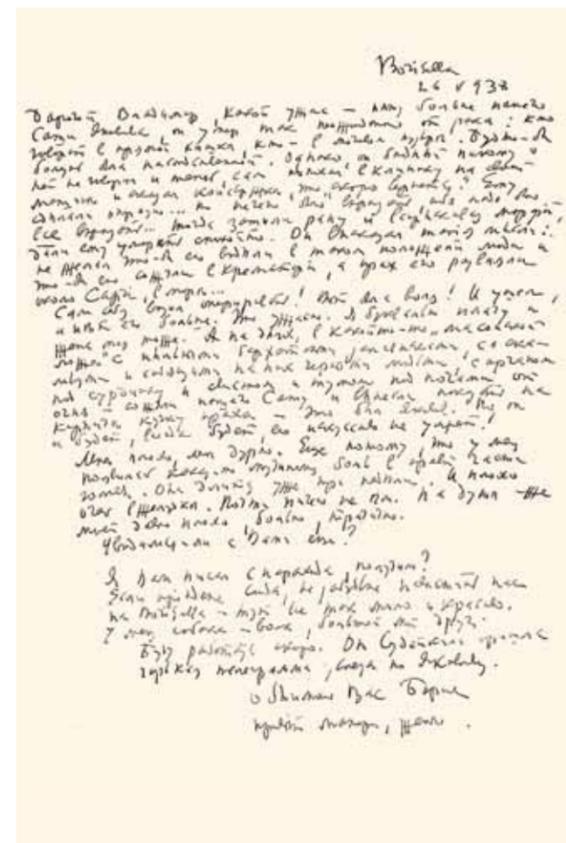
Внезапная смерть Яковлева в 1938 году от рака была страшным ударом для Григорьева, предчувствовавшего, что тот же недуг настигнет и его. Уже через два месяца после смерти друга он писал в письме: «Значит крышка мне. И как странно! Почти то же, что и с Яковлевым, разница в том, что я еще не умер...»¹⁶

В тот год, год смерти Яковлева, статьи его памяти написали друзья художника – Сергей Судейкин, Мстислав Добужинский, Александр Бенуа. «Я написал письмо Бенуа от нас, всех товарищей, и тебя упомянул. Если напечатает – буду рад», – писал Григорьев в письме Судейкину 18 мая 1938 года. В статье А.Бенуа, опубликованной в «Русских записках», были и слова Григорьева о Саше Яковлеве из вышеупомянутого письма от 12 мая 1938 года.

«В заключение я приведу ценнейшие слова о Яковлеве одного из наших самых крупных художников, – писал А.Бенуа, – любившего его как человека и почитавшего его как творца.

“Великий путешественник, Яковлев, когда все закаленные в тренировке члены экспедиции валились и дремали, один, на стоянках сумасшедшего предприятия, бодро, как всегда и всюду, и тут в пустынях, под экваториальным солнцем, делал свое дело художника”.

“Великий мастер и учитель, он бескорыстно выступал в каких-то американских небоскребах, на глазах у всех рисовал в натуральную величину голую модель, поставленную на эстраде

Мне плохо, мне дурно. Еще потому, что у меня появилась какая-то мучительная боль в правой части головы. Она длится уже три недели. И плохо очень в желудке. Почти ничего не ем. На душе-же моей давно плохо, больно, трагично.

Увидимся ли с Вами еще?

Я Вам писал с парохода, получили? Если приедете сюда, не забудьте навестить нас на Boriselle – тут все так мило и красиво.

У меня собака-волк, большой мой друг.

Буду работать скоро. От Судейкина пришла телеграмма, слеза по Яковлеву.

рядом со своим мольбертом... И в три полчаса на глазах у всех являлось произведение бесподобное. И когда оно было готово, Яковлев очень мило улыбался, надевая свой пиджак, и раскручивал рукава на рубашке. Кто знал эту улыбку, тот знал Яковлева!”

“Однажды в такую минуту я услышал, как совершенно натурально Судейкин сказал: “Леонардо да Винчи!” И тот необыкновенный вечер в Нью-Йорке послужил нашему общему слиянию: мы все перешли на ты, и Яковлеву был “заказан” нами наш общий портрет, для чего Саша сделал в один вечер перед самым его отъездом в Бостон всех нас, работая над каждым от 24 до 30 минут (кто-то в восторге считал эти минуты и даже секунды). Присутствовали Николай Ремизов, Сергей Судейкин, Савелий Сорин, Константин Альджалов и (пишущий эти строки) Борис Григорьев”¹⁷.

Borisella
26.V.1938

Дорогой Владимир, какой ужас – нету больше нашего Саши Яковлева, он умер так неожиданно от рака: кто говорит в прямой кишке, кто – в мочевого пузыря. Будто бы болезнь была наследственной. Однако он бедный никому о ней не говорил и теперь, сам поехал в клинику на своей машине и сказал консьержке, что “скоро вернется”. Ему сделали операцию...но ничего было вырезать...тогда зашили рану и впрыскивая морфий дали ему умереть покойно. Он высказал такие мысли: не желал, чтобы его видели в таком положении люди и чтобы его сожгли в крематории, а прах его развеяли около Санти, в море...

Сам себя возил оперировать! Вот была воля! И ушел, и нет его больше. Это ужасно. Я буквально плачу и жена моя тоже. А на днях, в какой-то “масонской ложе” с нелепыми бархатными занавесками, со скамьями и сидящими на них чёрными людьми, с органом под сурдинку и свистом и шумом под ногой от огня – сожгли нашего Сашу и вынесли показать на кирпиче кучку праха – это был Яковлев. Но он и будет, всегда будет, его искусство не умрёт!

Обнимаю Вас. Борис.
Привет матери, жене.

Борис Григорьев не присутствовал на панихиде по Александру Яковлеву. «Наш Кирилл там был, – писал Григорьев в письме Судейкину. – И вот он расписался от моего имени и, встав на колени, как это делали все, поцеловал розы у ног его. Я не мог выехать, не успел...»¹⁸

¹¹ Альбом «Лики России» был издан в 1923 г. в Париже под названием “Visages de Russie” и в 1924 г. в Лондоне под названием “Faces of Russia”.

¹² Лоллий Львов. Видения Бориса Григорьева // Жур-птица. [Берлин]. 1923. № 11.

¹³ Ю.Черкесов (1900–1943) – русский живописец и график, с 1925 г. жил во Франции.

¹⁴ Судейкин С. Указ. соч.

¹⁵ Северный Л. Указ. соч.

¹⁶ Письмо Б.Григорьева. 29.VI.1938. Собрание А.Клевицкого.

¹⁷ Бенуа А. Александр Яковлев // Русские записки. Париж. 1936. Июнь.

¹⁸ Цит. по: Субботин С. Борис Григорьев как литератор // Материалы III Григорьевских чтений. Псков, 2004.

Alex Klevitsky

“...Elegy for Yakovlev”

Boris Grigoriev's letter from my collection, published here for the first time, was written just two weeks after Alexander Yakovlev's death. The letter was addressed to Vladimir Bashkirov, a collector and arts patron who knew both artists well. Full of grief for the loss of a friend and a great artist, the letter sheds an additional light on the events described by the American collector and art scholar Martin Birnbaum in his book “Jacovleff and Other Artists”: “Several days later ... what was left from his once gorgeous body destroyed by a malignant tumour was decaying under a cover of scarlet peonies in the Russian church full of incense and chanting, as well as the subdued weeping of many of his friends. His last wish – to have his ashes scattered over the emerald-green waters of his beloved Capri – could not be fulfilled ...”

Boris Grigoriev and Alexander Yakovlev. Two lives so different but remarkably intertwined. A friendship that lasted the length of a lifetime, with each born and dying in nearly the same years.

Grigoriev was born a year earlier than Yakovlev, in 1886 – and he passed away a year later, in 1939. They first met at the Academy of Fine Arts, where they studied at Dmitry Kardovsky's workshop in 1907. “At the workshop of Kardovsky, who replaced Ilya Repin, I studied for two years, after finishing a Moscow school, at the same time as Alexander Yakovlev, Vasily Shukhaev and Boris Grigoriev. Among them Boris Grigoriev was my closest friend. I was delighted at the acuteness of his discontent. We both admired the craftsmanship of Yakovlev and Shukhaev (Sasha and Yasha, as Alexander Benois called them). Grigoriev and I were interested in the texture of pictorial images, the impressiveness of paints and the character of sitters, while we could watch the phenomenal virtuosity of a pastmaster such as Yakovlev,” reminisced Sergei Sudeikin.²

Like Yakovlev, Grigoriev began his career at the “Satyricon” magazine. In 1915-1916 both artists, together with Sudeikin, designed the interior of a cabaret “Prival Komediantov” (The Comedians' Halt). Then the revolution broke out. The Russian community in Paris. The “Mir Iskusstva” (World of Art) society. “The brightest talents among the newest generation of artists are those who matured at the Mir Iskusstva,” remarked Sergey Makovsky in his book “Siluety Russkikh Khudozhnikov” (Profiles of Russian Artists). “Especially noteworthy among them are [Kuzma] Petrov-Vodkin, Boris

Борис Григорьев.
«Бориселла».
Франция. 1937

Boris Grigoriev.
“Borisella”.
France. 1937

Grigoriev, Alexander Yakovlev and [Vasily] Shukhaev.³

Not surprisingly, the names of Boris Grigoriev and Alexander Yakovlev, forever inscribed in the annals of Russian artists who lived abroad, were often mentioned side by side.

Guillaume Lerolle called Grigoriev and Yakovlev “the best artists of their nation”.⁴ The Boston Herald in a story about the opening of Yakovlev's show in 1934 stressed the Russian style, created with so distinctive a mark of individuality by Grigoriev, [Nicholas] Roerich, Yakovlev and Leo Bakst.⁵

Alexander Yakovlev [was called] an unsurpassed, phenomenal “master of form”. All his art – full of love for the world, for life, for people “an astonishing art – a brilliance of sportsmanship akin to that of Franz Liszt in music”. Boris Grigoriev – an

artist of the Raseya (Russia) of “bast shoes” and “bast”, “the frightening faces one cannot look at without a shiver”,⁶ without realizing and feeling that “the glimmer of placid spiritual beauty and clarity and the glimmer of ugliness, the beast's face transpiring through the cover of culture – they live in a friendly and amorous flurry in Grigoriev's pictures”.⁷

Although holding Yakovlev's art in high esteem, Grigoriev nonetheless was a demanding critic: “They write me from Paris that it looks like Yakovlev sold a hundred pieces at the show ... Here is someone I respect and love for his feat, for his work, for everything, although it seems to me that his art has something of a machine in it – I am very strict to myself now – I tear to pieces everything I don't like.”⁸ Likewise, Grigoriev disapproved of the ethnographic drawings and paintings that Yakovlev made in his “Black” and “Yellow” expeditions⁹ – works that caused a sensation, garnering the artist international acclaim and a Legion of Honour award. “I will never stoop to ethnography,” wrote Grigoriev.¹⁰

Grigoriev placed Yakovlev's piece at the beginning of his famous album “Liki Rossii” (Faces of Russia)¹¹ – an assemblage of images, mostly portraits, created during the Moscow Art Theatre's tour in Paris. The faces that took the place of the images of Raseya (Russia), “the artist's shift away from the facelessness around him and on to a quest for the face [signalled] a shift that would later bring him to replace the problem of Raseya with the problem of Russia”.¹² The face of the artist himself,

¹ Martin Birnbaum. *Jacovleff and Other Artists*. NY, Struck, 1946.

² Sergei Sudeikin. *Alexander Yakovlev. Master of Form*. “Novoe Russkoe Slovo”, May 21 1938.

³ Sergei Makovsky. *Silueti Russkikh Khudozhnikov* (Profiles of Russian Artists). Prague, Nasha Rech, 1922.

⁴ 24th International Exhibition of Painting. Carnegie Institute, 1925. Exhibition catalogue. Introduction by Guillaume Lerolle.

⁵ *Jacovleff Art Exhibition*. “Boston Herald”, February 8 1934.

⁶ Mark Veinbaum. *Boris Dmitrievich Grigoriev. rNovoe Russkoe Slovo*. February 11 1939.

⁷ L. Severnyi. “Lykovaya Raseya” i Zarubezhie (“Bast Russia” and the World). “Novoe Russkoe Slovo”, 1933.

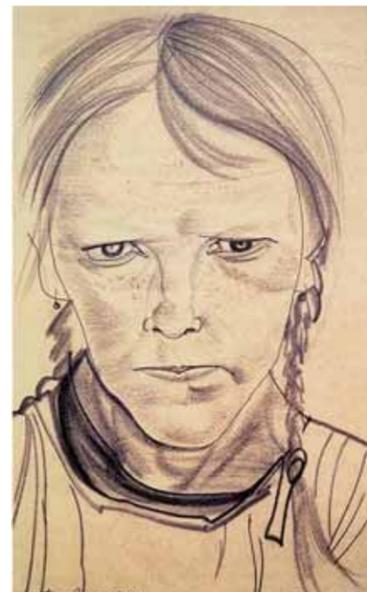
⁸ Boris Grigoriev's letter. May 29 1933. Alex Klevitsky's collection.

⁹ “Black expedition” (1924-1925): a promotional tour of Africa, organized by the Citroen company. “Yellow expedition” (1931-1932): the second Citroen-sponsored expedition, across Asian countries.

¹⁰ Boris Grigoriev's letter. September 16 1933. Alex Klevitsky's collection.

¹¹ The “Liki Rossii” album was published in Paris in 1923 under the title “Visages de Russie”, and in 1924 in London, titled “Faces of Russia.”

¹² Lollyi Lvov. *Visions of Boris Grigoriev. “Zhar-ptitsa”*. [Berlin], 1923, no.11.

Borisella
May 26 1938

Dear Vladimir, how awful – our Sasha Yakovlev is no more, he died so suddenly from cancer: some say, rectum cancer, others – bladder cancer. It appears that the disease ran in the family. But the poor fellow didn't tell anyone about it and he went to the hospital alone in his car, telling the concierge “he would be back soon”. He was operated on ... but there was nothing left to cut out – everything was a rot ... then they stitched up the cut and administering him shots of morphine let him die without pains. This is what he said: he didn't want people to see him in such a state and wanted his body cremated and ashes scattered near Capri, at sea ...

Took him to the hospital himself! What a strong will! And now he's gone, and he's no more. This is horrible. I'm literally crying, and so is my wife. And the other day, in some “freemason's lodge” with ridiculous velvet curtains, benches and black people seated on them, with an organ with muted strings and a hissing and a noise under the feet caused by fire – our Sasha was incinerated, and the pile of his ashes was taken out and displayed on a brick – that was Yakovlev. But he will stay, he will always be here, his art will not die!

I'm glum, I'm feeling down. Also because there is a racking pain in my head's right side. It has been aching for three weeks. And there is a sickness in my stomach. I'm eating almost nothing. And my soul has long been sick, aching, depressed.

Am I to see you again?

I wrote you a letter while on the ship, did you receive it?

If you come here, please do visit us at Borisella – everything is so nice and beautiful here. I have a dog-wolf, who is my big friend.

I will be working soon. Received a cable from Sudeikin, elegiac words about Yakovlev.

I hug you – Boris.

Best wishes to your mother and wife

... To this day, people over there refer to him as nothing else than a revolutionist.”¹⁵

Yakovlev's sudden death in 1938 from cancer was a terrible blow for Grigoriev, who had a presentiment that the same affliction would fall on him too. Barely two months had passed after his friend's death when Grigoriev wrote in a letter: “Well, I'm finished. And so strangely! Almost the same thing as with Yakovlev, the only difference is that I am still alive...”¹⁶ The year when Yakovlev died, his friends – Sergei Sudeikin, Mstislav Dobuzhinsky, and Alexander Benois – wrote articles to honour him. “I wrote a letter to Benois on behalf of all of us, the friends, and I mentioned you as well. If the letter is published, it will make me happy,” wrote Grigoriev in a letter to Sudeikin on May 18 1938. Alexander Benois's article, published in the “Russkie Zapiski”, quoted Grigoriev's words about Sasha Yakovlev, culled from the above-mentioned letter of May 12 1938.

“In conclusion I want to quote the most treasured words about Yakovlev, said by one of our major artists,” wrote Benois, “who loved him as a person and admired him as an artist.

“When all the hardened expedition members were falling off their feet with fatigue and asleep, Yakovlev, this great explorer, alone, during the rest intervals on the insane voyage, cheerfully as always and everywhere, and here too, in the deserts, under an equatorial sun, was doing his bit as an artist.

“A great craftsman and teacher, he performed for free in some American skyscrapers, drawing under everybody's eyes a life-sized picture of a nude female

sitter, placed on a bandstand close to the easel ... And after three half-hours, under everybody's eyes an unparalleled piece of art would come about. And when the piece was ready, Yakovlev would smile very nicely, putting on his vest and unrolling the sleeves of his shirt. Those who knew this smile, knew Yakovlev!

“Once at just such a moment I heard Sudeikin say in an absolutely matter-of-fact voice, “Leonardo da Vinci!” And that unusual evening in New York brought us all together: we all started to go on a first-name basis, and we “commissioned” Yakovlev our collective portrait – Yakovlev did all of us in one evening, on the very day before his departure to Boston, devoting to everyone between 24 and 30 minutes (someone, delighted, was counting the minutes and even seconds). Those present were: Nikolai Remizov, Sergei Sudeikin, Saveliy Sorin, Konstantin Aldzhalov and (the author of this) Boris Grigoriev.”¹⁷

Boris Grigoriev did not attend the funeral service for Alexander Yakovlev. “Our Kirill was there,” wrote Grigoriev in a letter to Sudeikin. “And so he signed on my behalf and kneeling down as everyone there kissed the roses at his feet. I couldn't come, didn't have time...”¹⁸

Рисунки
Бориса Григорьева

Boris Grigoriev's
Drawings

¹⁵ Yury Cherkesov (1900-1943): a Russian painter and graphic artist, living in France from 1925.

¹⁶ Sergei Sudeikin. *Op. cit.*

¹⁷ L. Severnyi. *Op. cit.*

¹⁸ Boris Grigoriev's letter. July 29 1938. Alex Klevitsky's collection.

¹⁹ Alexander Benois. *Alexander Yakovlev. “Russkie Zapiski”*, Paris, June 1936.

²⁰ S. Subbotin. *Boris Grigoriev as a man of letters*. Presentations at the 3rd conference on Boris Grigoriev. Pskov, 2004.